

УДК 821.112.2

ИСПОВЕДАЛЬНОЕ НАЧАЛО В ВЕНКЕ СОНЕТОВ**А. Г. РУМЯНЦЕВА «ПРИЗНАНИЕ»**© *Берёзкина Елена Петровна*

кандидат филологических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: beryozkina-lena@yandex.ru

В статье рассматривается лирика талантливого русского поэта Андрея Григорьевича Румянцева, народного поэта Бурятии. Выделено исповедальное начало, нашедшее воплощение в венке сонетов «Признание». Этот жанр – явление достаточно редкое в творчестве поэтов конца XX – начала XXI века, что свидетельствует о высоком поэтическом мастерстве Румянцева, способного воплотить вечную тему любви как великого таинства. Все 15 сонетов передают личные эмоции, переживания лирического героя: в них слышны и радость, и восторг, и ликование, и грусть, и тревога, и разочарование, и надежда. В венке сонетов «Признание» отразилась чистая и открытая душа самого поэта, его романтические порывы. В стихах цикла звучат тщательно взвешенные и мудрые слова о любви как высшем предназначении человека на земле.

Ключевые слова: стихи о любви; сонет; венок сонетов; исповедальное начало; лирический герой.

Для цитирования

Берёзкина Е. П. Исповедальное начало в венке сонетов А. Г. Румянцева «Признание» // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. Филология. 2020. Вып 1. С. 50–55.

Начиная с 1970-х гг. в литературе Бурятии появилось новое имя талантливого поэта — Андрей Румянцев, были опубликованы сборники стихов «Горсть отчей земли», «Страда», «Тажная колыбель», «Признание», «Колодец планеты». В дальнейшем в Улан-Удэ, Иркутске и Москве были изданы разные книги Андрея Румянцева: поэзия, проза, очерки, эссе, литературно-критические размышления и оценки. Стал очевидным тот факт, что в поэзию пришел художник со своим взглядом на жизнь, своим неповторимым голосом. Все творчество А. Г. Румянцева проникнута светом, теплом, внутренней гармонией и высотой нравственного чувства.

Глубина и размах творчества этого автора были несомненны. Подтверждением тому становится и разножанровость поэзии Андрея Румянцева: он пишет обжигающие по чувствам стихи о военном и послевоенном детстве, публикует поэму «Колодец планеты» — страстное слово в защиту Байкала, создает произведения в забытом жанре — венок сонетов, издает очерки и эссе о русских и бурятских писателях.

Высокую оценку произведениям А. Г. Румянцева давали многие критики, исследователи, писатели. Так, на наш взгляд, одним из лучших и точных отзывов на стихи поэта были слова московского литератора А. Дорина: «В лучших стихах Румянцева есть тот камертон, которому отвечает поэзия высшей пробы, — это когда при минимальных художественных средствах достигается удивительная

сила чувства, переживания, когда глубина мысли гармонично сочетается с художественностью образа...» [2, с. 101]. Подлинно национальным поэтом назвала Румянцева С. С. Имихелова за продолжение есенинской традиции [3], за «прикосновение к русской тайне, загадке русской души» [6, с. 279].

«Мои стихи — моя прямая речь», — признавался Румянцев, и знакомство с его личностью, отраженной в творчестве, представляет значительный интерес. В лирике Румянцева с ее большим тематическим диапазоном можно обнаружить светлые стихотворения, посвященные прекрасному и вечному чувству любви. Это веночек сонетов «Признание». «И тут мы можем говорить об исповедальности творчества поэта, — отмечает С. С. Имихелова, — черте, присущей талантам подлинным и ярким. В любовной лирике Андрея Румянцева это особенно привлекает» [7, с. 6].

Поэтическая исповедь как «искреннее и полное сознание, объяснение убеждений своих, помыслов и дел» (В. И. Даль) — основная особенность лирики Румянцева. Установка поэта на передачу сокровенно-личных впечатлений, переживаний, эмоций приводит к предельной искренности его лирического героя, к откровенному погружению в свой внутренний мир, является отражением его внутреннего слуха и зрения. Эта черта лирической поэзии требует от субъекта отказаться от своеволия, «от своей завышенной самооценки или самоубийственного террора совести» [5, с. 17]. Поэтическая исповедь, кроме того, рассчитана на эмоционально настроенного читателя, способного прочувствовать лирического героя и разделить его мысли.

Поскольку исповедальное начало представлено в особой форме стихотворений А. Румянцева, то обратимся к жанровому своеобразию сонета и венка сонетов, которые требуют строгого следования канонам. А. П. Квятковский пишет, что веночек сонетов является формой поэмы, состоит из пятнадцати сонетов и подчиняется определенным правилам. «Тематическим и композиционным ключом (основой) является магистральный сонет (или магистрал), замыкающий собой поэму; этот, пятнадцатый по счету, сонет пишется раньше других, в нем заключается замысел всего» [4].

Поэту при написании венка сонетов необходимо следовать следующим правилам. Во-первых, обращает на себя внимание построение венка. Первый сонет начинается первой строкой магистрала и заканчивается второй его строкой; первый стих второго сонета повторяет последнюю строку первого сонета и заканчивается этот сонет третьей строкой магистрала. И так далее — до последнего, 14-го сонета, который начинается последней строкой магистрала и кончается первой его строкой, замыкая собой кольцо строк. Таким образом, 15-й, магистральный сонет состоит из строк, последовательно прошедших через все 14 сонетов.

Во-вторых, сонеты, входящие в веночек, должны соответствовать всем основным условиям, по которым они пишутся, поскольку сонет — это тоже твердая форма. В-третьих, все сонеты, которые его составляют, должны иметь одну систему рифмовки (иметь одну и ту же форму сонета) [4].

В венке сонетов «Признание» данные жанровые особенности строго соблюдаются Румянцевым: наличие четырнадцати сонетов и магистрала, заключающего в себе кратко изложенную тему, свидетельствует о следовании лучшим традициям

мировой классики жанра. Как пишет С. П. Гудкова, «обращение к данной жанровой разновидности в поэзии конца XX века можно расценивать не только как диалог с предшествующей культурой, но и как своеобразное “художественное поле”, на котором происходит проверка поэтического мастерства...» [1, с. 27].

Открывается венок сонетов А. Румянцева стихотворением «Пишу я не историю любви...». Для русской поэзии случай не новый – начинать разговор о любви отрицанием, так было у М. Ю. Лермонтова («Нет, не тебя так пылко я люблю...»), у Н. А. Некрасова («Я не люблю иронии твоей»), но у Румянцева за отрицанием идет мощное утверждение: «Я позднее признание обращаю / К тебе, кого опять благословляю, / Кого и сам прошу: “Благослови!”» [8, с. 185]. Так мудро поэт начинает свой «роман» о любви, продиктованный не страстью и пылкостью чувства, а глубиной духовной слитности двух сердец. Наиболее важными становятся третья и четвертая строфы, в которых поэт признается: «Тебя опять любимой назову. / С тобою не во сне, а наяву / Опять пройду пути земной юдоли, / Чтобы среди моих негромких строк / Ты прочитала не пустой упрек, / А сроки благодарности и боли» [8, с. 185]. Чувства лирического героя были проверены многими годами совместной жизни, перенесенными испытаниями судьбы, боли и страданий, сохраненной годами внутренней теплоты. Можно предположить, что венок сонетов посвящен жене Андрея Григорьевича — Галине, но имя ее нигде не названо, поэтому не будет ошибкой сказать, что цикл посвящен любимой женщине, женщине, способной быть единственной путеводной звездой для мужчины.

Во втором сонете конкретизируется время: «А строки благодарности и боли — / Они со мною через двадцать лет». Ретроспективно лирически герой указывает на многие пройденные препятствия: «Все было: тучи застилали свет, / И ревность подсыпала в раны соли. / Крушение надежд лишало воли, / Обида оставляла черный след». Однако любящие люди смогли преодолеть трудности благодаря глубине своего чувства: «Но два крыла нас унесли от бед». Безусловно, это были образные крылья любви, которая придавала силы, окрашивала путь поэта: «Повсюду светят мне глаза твои» [8, с. 186].

О духовном родстве, слитности душ пишет поэт в третьем сонете: «Повсюду светят мне глаза твои, //Твое лицо мне видится повсюд... Ты всюду...». Благодаря повторам «твои — твои — ты», «повсюду — повсюду — всюду» происходит усиление и укрупнение героини стиха: вначале глаза, затем лицо, и наконец, весь облик. Различные «ты» и «я» в финальных строках объединяются в слитное «мы»: «Окружены веселою толпой. / Мы все равно наедине с тобой, / Как две звезды в ночном пустынном поле» [8, с. 187]. Сравнение со звездами позволяет вывести возлюбленных из тесного интимного круга в большой внешний мир.

В четвертом сонете лирический герой задается вопросом: что же держит двух людей вместе на земле? Ответ очевиден: «Любовь двух душ... Всесильна власть ее». Всеобъемлющее начало любви автор сравнивает с такими понятиями: «Она, как чувство Родины, как братство. / На всю большую жизнь она твое / Бесценное и вечное богатство» [6, с. 188]. Вновь благодаря сравнениям «как чувство Родины, как братство» происходит расширение диапазона любовного чувства от частного, личного к общему национальному переживанию.

Пятый сонет позволяет читателям окунуться в прошлое: в нем слышится признание в любви, делается объявление о свадьбе, звучит очень важное для

самого поэта благословение Байкала. О роли Байкала как великого праотца Румянцев писал в других стихотворениях, например, в стихотворении «Байкалу» поэт изображена взаимосвязь человека, рожденного и выросшего на берегу этого священного озера-моря в окружении высших сакральных сил природы. Именно это обстоятельство укрепляет веру лирического героя в нескончаемость своего любовного чувства: «Люблю тебя и верую, что это / Останется со мною навсегда» [8, с. 189].

В следующем сонете получают развитие тема невзгод и бед, которые выпадают на долю всех влюбленных людей. Только вера в свои истинные чувства позволяет преодолевать все препятствия: «Любовь восстанет из огня и пепла, / Из долгого глухого забвения. / Душе, что вдруг от ревности ослепла, / Она прикажет: зряча будь, как я» [8, с. 190]. Настоящие чувства всегда будут жить в любящем сердце, и все смогут преодолеть.

Любовь способна пронизывать не только земное, но и космическое пространство. Этому посвящен седьмой сонет цикла. Человек, любящий и любимый не только все может совершить, открыть, пройти до конца свой путь, но и, привязанный незримыми нитями к любимой женщине, способен не разорвать прочность этой связи. Эту связь поэт называет «сладостной неволей», которая не тяготит человека и в то же время держит его, не позволяет упасть и разбиться [8, с. 191].

Восьмой сонет начинается и завершается риторическими вопросами, содержащими антитезу: «За что такое счастье мне дано? / Наградою за все невзгоды, что ли?» — «Хожу, потерян: что мне эти сосны? Что облака и легкая река?». Лирический герой передает перепад настроения от счастья, что есть возлюбленная, от ликования, наслаждения им до угнетения духа, когда нет возможности быть вместе, когда разлучен с любимой женщиной. Окружающий мир теряет свои краски: «Я знаю, как меняется округа, / Когда опять не видим мы друг друга, / Когда ты от меня так далека. / И небеса темны, и воды сонны» [8, с. 192].

В девятом сонете автор вновь указывает на то, что стихи о любви написаны не в первые дни влюбленности, не в медовый месяц после свадьбы, а через двадцать лет. Лирический герой пронес любовь через десятилетия, сумев сохранить свежесть чувства: «Опять в моей руке твоя рука, / Как двадцать лет назад байкальским летом, / И жизнь ясна. И ноша мне легка. / И нежность к людям в сердце обогретом». Тема любви находит здесь свое продолжение в необходимости служения людям: «Служить добру зовет меня любовь, / И совесть строго спрашивает вновь» [8, с. 193]. Источник радости и счастья делает человека способным осчастливить других людей, подарить лучшее в себе всему миру. Любовь становится силой, способной изменить окружающую жизнь, стать ее опорой.

А в следующем сонете происходит возвращение лирического героя из внешнего пространства большого мира к возлюбленной: «Мне ни земли, ни синевы не надо / Без слов твоих, и рук твоих, и взгляда!». Эта тема находит свое продолжение в одиннадцатом сонете. «Иной напев, иная красота / У ветра, у весеннего листа, / Когда влюблен, когда представить легче / Мир без цветов, без трав, / Идущих в рост, / Чем без твоей улыбки, чистой, вешней, / Без облика, который мил и прост» [8, с. 194, 195].

Двенадцатый сонет становится неким «мостом», соединяющим средневекового итальянского поэта Данте, создавшего неповторимые сонеты о своей возлю-

бленной Беатриче, и современным поэтом: «Но строки Данте — тоже прочный мост, / Над бездной лет соединившей кручи. / Мы опыт сердца черпаем в стихах, / Он нужен нам в земной дороге этой...» [8, с. 196]. Ощущения любящего человека не изменились за семь веков, глубина чувства не ослабела, поэтому, обратившись к жанру сонета, автор упоминает своего непревзойденного предшественника, отдавая дань уважения и признательности.

В тринадцатом сонете лирический герой обращается еще к одному важному учителю по жизни — своему отцу. Впервые мы слышим здесь обращение: «Любимая!», звучащее по-есенински просто. В финале сонета переданы слова отца, обращенные к матери: «Хороший день. В руках избыток сил, / А нет тебя — душа всему не рада...» [8, с. 197]. Именно отец — сельский труженик сумел просто и мудро выразить то, что его сын пытается понять и сформулировать в своей любви. И ключевыми фигурами, наряду с отцом — Байкалом, отцом мировой любовной традиции Данте, на которые ориентируется поэт Румянцев, становится и его отец — как пример и образец для сына, как сыновний свидетель и судья. Они равны по силе своего воздействия на поэта, и его лирический герой способен именно с такой же силой любить женщину и весь окружающий мир.

Четырнадцатый сонет передает просьбу лирического героя, его сокровенное желание: «Я только бы хотел, чтоб до конца, / До черного, нетающего снега, / Была ты рядом — светом у лица, / Необходимей воздуха и хлеба» [8, с. 198]. Поэт пишет о том духовном единстве с любимой, которое можно сравнить с самыми важными, конечными ценностями жизни, необходимыми человеку до того предела, метафорично названного «черным нетающим снегом».

Заключительный пятнадцатый сонет — магистрал — собирает вместе все переживания лирического героя, все переливы его чувств, светлых, вдохновенных, нежных. В нем звучат и восторг, и радость, и ликование, и тревога, и надежда. После исповеди лирический герой ощущает душевное успокоение. Образ любимой женщины, близость к ней продолжает вдохновлять, ведет к новым творческим свершениям.

Как исключительный мастер поэт сумел выдержать все правила и предписания жанра венка сонетов: внешнее построение, внутреннюю композицию каждой части и целого, и законченную мысль в каждом сонете, особенно в финальном. Исповедальное начало венка сонетов позволило ощутить искренность лирического героя, сокровенность его признаний, открытость выражения мыслей и чувств.

В венок сонетов А. Румянцева вложена вся его душа, все вдохновение, самые чистые и возвышенные переживания. Это стихи о любви, чувстве вечном, побеждающем все временные границы. Поэт предстает в них как настоящий романтик, преклоняющийся перед своей дамой сердца, склоненный перед ней на долгие годы, ощущающий себя в «сладостном плену». Образ возлюбленной, как и полагается в сонете, изображен только намеками, остается загадочным и непостижимым. Но без реального источника любви — земной женщины, ставшей своей Беатриче для поэта, написать такие стихи было бы невозможно. Исповедальный венок сонетов в поэзии А. Румянцева — явление исключительное, но именно в нем представлено смысловое ядро автобиографических мотивов, пронизывающих все его творчество.

Литература

1. Гудкова С. П. Крупные жанровые формы в русской поэзии второй половины 1980–2000-х годов: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Саранск, 2011. 41 с.
2. Дорин А. Когда нет расстоянья... // Поле жизни, поле поэзии. О творчестве народного поэта Бурятии Андрея Румянцева. Литературные портреты. Статьи. Рецензии. Отзывы читателей. Иркутск, 2010. 207 с.
3. Имixelова С. С. Русская классическая традиция в поэзии Андрея Румянцева: (к 75-летию народного поэта Бурятии) // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2013. № 10. С. 127–132.
4. Квятковский А. П. Венок сонетов. Поэтический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/kPS/kPS-Abc/kps/kps-2751.htm> (дата обращения: 23.01.2020).
5. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. и др. Теоретическая модель жанра: практикум по жанровому анализу литературного произведения. Екатеринбург, 1998. С. 16–26.
6. Румянцева А. Г. Вспоминает время к доброте. Стихотворения. Венок сонетов. Поэма. Улан-Удэ, 2015. 288 с.
7. Румянцева А. Г. Избранное / вступ. ст. С. С. Имixelовой. Иркутск, 2019. 320 с.
8. Румянцева А. Г. От сосны до звезды: Стихотворения. Венок сонетов. Поэма / предисл. К. Балкова. Иркутск, 2017. 266 с.

CONFESSIONAL ORIGIN IN WREATH OF SONNETS «RECOGNITION» BY ANDREI RUMYANTSEV

Elena P. Berezkina

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

The article reviews the confessional origin inherent in the lyrics by the modern Russian poet and the people's poet of Buryatia Andrei Rumyantsev. Sonnets themselves, and especially a wreath of sonnets - a phenomenon quite rare in the work by poets of the end of the 20th and the beginning of the 21st century, which testifies to the high poetry skill of Rumyantsev able to embody the eternal theme of love as a great sacrament. All 15 sonnets convey personal emotions and experiences of the lyrical hero: joy and delight, sadness and anxiety, disappointment and hope can be heard in the lyrics. The wreath of sonnets "Recognition" reflects the pure and open soul of the poet himself, his romantic impulses. The collection of lyrics contains balanced and wise words about love as the supreme purpose of humans on earth.

Keywords: verses about love; sonnet; wreath of sonnets; confessional origin; lyrical hero.